

Бородин Л. Я. **ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ГРАНИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В.И.** **ВЕРНАДСКОГО**

Научное наследие В.И. Вернадского широко используется в изучении глобальных проблем цивилизации, его называют «камертоном современной экологии», «всеобъемлющей концепцией космического и гуманитарного плана», в нем видится «программа защиты уникального творения Вселенной – планеты Земля – на будущее и современное философское обоснование развития человеческого общества» [1, с.108-115] сегодня.

Летом 2001 года в Крыму, где В.И. Вернадским были заложены основы учения о биосфере, прошла межгосударственная конференция, собравшая около 300 участников и среди них многих известных, а также молодых исследователей многогранного наследия ученого и мыслителя, имя которого стало символом научного мышления и нового мировоззрения нашего времени.

К конференции в связи с 75-летием со дня первого выхода в свет была переиздана наиболее известная работа Вернадского «Биосфера», а также впервые изданы рабочие записи ученого 1920-1923 гг., объединенные под названием «Мысли и наброски», на которых рукой Владимира Ивановича было написано: «Крымский текст». Эти записи вводят нас в «пекло творения» и представляют исключительный интерес и возможность приобщения к «механизмам тончайшего мыслительного процесса: от интеллектуального зарождения идей до окончательных формулировок» [2, с. 4].

В его письмах, а по существу дневниках, также как и в «Мыслях и набросках» мы видим Вернадского человеком необычайно широких интересов не только в сфере науки, природы и общества, но и человеком огромной художественной эрудиции, удивительно эмоциональным, чутким и искренним в восприятии живописи, поэзии, музыки. Мы видим, что так же, как и в его учении о единой ноосфере все связано «закономерным сознанием человеческого разума», «единым жизненным сознанием человечества», как он часто повторяет - «всюдностью жизни», так и в его собственной жизни постоянно ощущается вдохновляющее влияние на его творчество этой «всюдности» жизни.

В.И. Вернадский прожил полную напряженных трудов жизнь ученого, в которой, однако, немаловажное место занимали посещения музеев, выставок, оперы, концертов, а также литература, архитектура и, конечно же, природа и люди его окружающие, к которым он был неизменно чуток и внимателен. Его письма, в особенности к жене, - сами по себе памятник культуры человеческих взаимоотношений, пример всегда деятельной любви и доброты.

Письма Вернадского и «Мысли и наброски» - это отражение его богатого душевного мира, его порывов, фантазий, ощущений и впечатлений, которыми он щедро делится с близкими ему людьми. Причем письма написаны отнюдь не в слащаво-лирической манере, а таким же ясным и прозрачным языком, как и его научные размышления, в которых Вернадский-мыслитель мирового масштаба был понятен и оценен не только виднейшими учеными, но и еще только формирующейся личностью – так, например, оценила рукопись «Биосферы» 12-летняя девочка: «Какая была радость переключиться со школьных учебников на живую мысль, на легкий, искренний язык, в котором не было того сухого наукообразия, характерного для всех, без исключения, учебников» [1, с. 202].

Читая «Письма» и «Мысли и наброски» крымского периода жизни Вернадского, нельзя не обратить внимание на то, как поразительно приложимы к нашему времени и необычайно актуальны многие размышления Вернадского, хотя они были высказаны по поводу причин упадка Римской империи, которые «связаны с изменением психологии народа и общества, с изменением духовного интереса личности, с ослаблением того усилия, той воли, которая поддерживает научное мышление и научное искание, как поддерживает она все в жизни человечества» [1, с.106].

А вот что он писал о Крыме: «Наблюдая современную жизнь развала, поражаешься одной явной аномалии. На поверхности, у власти и во главе лиц, действующих, говорящих, как будто дающих тон – не лучшие, а худшие» Его рассуждения о кризисе в обществе очень наглядны, как будто это лаконичная надпись к иллюстрации художника: «... Жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу...»[2, с. 186].

Интересы Вернадского были очень разнообразны, он очень живо реагировал на все происходящее в природе и в обществе процессы, видел их глубокую взаимосвязь и стремился сопоставить их с историей человечества. Но из этих записей целью моей было не только извлечь свидетельства глубокого интереса Вернадского к произведениям искусства, но главное - подчеркнуть, какое важное значение занимают они в его жизни, как способствовали они поддержанию его творческой энергии, цельности и широте взглядов на мир, а в конечном итоге и формированию его главной научной идеи – ноосферы.

Нельзя обойти вниманием его глубокий интерес к этическим проблемам и в этой связи сходство его мировоззрения со многими великими гуманистами XX столетия, например, Альбертом Швейцером, который также видел «главной ошибкой всех видов этики» не только «отношение человека к человеку», а «как человек относится к миру и ко всему живому, что его окружает» [5, с. 238].

Сама мысль Вернадского о том, «что не случайно делается то или иное открытие», что «каждое обобщение является закономерным созданием человеческого разума» [1, с.107] заставляет искать сходные мысли по отношению к миру, природе, искусству у других мыслителей и художников, в том числе и в крымской истории. И они, конечно, тут же находятся, например, в жизни и творчестве М. А. Волошина, создавшего синтез живописного и поэтического в своих замечательных акварелях, утверждавшего, что «ни

один пейзаж из составляющих мою выставку не написан с натуры, а представляет собой музыкально-красочную композицию на тему киммерийского пейзажа» и одновременно гордившегося их научной точностью, тем, что первыми его акварели признали геологи и планеристы» [4, с. 16, 47]. Его творчески-философской программой было:

Все видеть, все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями.
Все воспринять и снова воплотить.
что очень сближает его с Вернадским.,

Также как и Волошин, Вернадский категорически отрицательно относился к любому террору, как к красному, так и к белому. Он вспоминал, что ему удалось спасти многих людей, которые не успели бежать, а сам он не воспользовался возможностью отъезда из еще Врангелевского Крыма: «мне вдруг ярко представилась мораль моего бегства среди привилегированных, когда кругом оставались многие, которые не могли бежать – не было перевозочных средств. Мы вышли» [6, с. 192].

Интересно, что будучи совсем молодым, 24-летний Вернадский в одном из самых первых писем к жене сравнивает ученых с художниками: «Ученые – те же фантазеры, что и художники: они не вольны над своими идеями; они могут хорошо работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство... По природе я мечтатель, и это опасная черта; я вполне сознаю, что я могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри, но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу заставить ее идти по дорожке, практически важной, но не такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучают меня. Знаешь, нет ничего сильнее желания познания, силы сомнения; знаешь, когда при знании фактов доходишь до вопросов «почему, отчего», их непременно надо разъяснить во что бы то ни стало, найти решение их, каково бы оно ни было... Ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти, и если не найти, то стремиться найти ее, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была» [3, с. 312].

Эти зрелые размышления молодого ученого о природе творчества согласуются с тем, как формулирует Вернадский свой будущий жизненный путь, которому он будет целеустремленно следовать: «...Мне теперь уже выясняется та дорога, те условия, среди которых пройдет моя жизнь. Это будет деятельность ученой, общественной и публицистической» [3, с. 311] заставляют задуматься о том, как точно был намечен путь мыслителя, судьба которого привела его в прекрасную Тавриду – природную лабораторию – во времена ужасающего хаоса, крушения общественных формаций, где он много трудился, творил добра и откуда он вывез законченным свой труд «О живом веществе», сделавшим его мировой знаменитостью и знаменем современной науки.

Известно, что Вернадский побывал в Крыму несколько раз, но наиболее плодотворным был его последний период пребывания: с января 1920 года в Ялтинском имении «Горная щель», где он чуть не умер от сыпного тифа, но и окончательно осознал свою роль в создании учения о живом веществе, а затем - с 19 апреля 1920 и до 25 февраля 1921 года, – в Симферополе, где он ректор Таврического университета, читает доклады в Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы, активно работает в Таврической научной ассоциации, отстаивает существование единственного на ту пору в Крыму Ялтинского естественно-исторического музея, создает научную лабораторию в плодовой станции на Салгирке, собирает по всему миру книги для научной библиотеки университета, успевает многое другое.

Несмотря на трудные времена и бедность (по воспоминаниям Наталии Егоровны, их дочь Нина вынуждена была чинить сапоги и переводить на украинский язык книги) крымский период Вернадского был чрезвычайно насыщенным и широким по диапазону его научных размышлений: кроме учения о живом веществе ученый-мыслитель затрагивает самые разнообразные отрасли знаний: физику, теорию относительности, учение о радиоактивности, симметрию и дисимметрию, пространство и время, закономерности и случайности, а также историю науки и искусства, философию, религию и др.

Такой творческий подъем, несомненно, связан с влиянием на Вернадского великолепных природных условий Крыма. В его дневниках встречается много замечаний о крымской природе, например: «Красивая долина Салгира... внимательно присматривался к флоре. Много нового. Узнаю и вдумываюсь... Чудный день, красивый вид на Чатыр-Даг, масса цветов, и много для меня новых... сад полон звуков птиц... слышен отдаленный крик удода. Он напоминает мне далекое детство» [6, с. 183].

Насколько творческой была обстановка в доме Вернадских свидетельствует рисунок Нины, выполненный, вероятно, тушью, - портрет отца (Воспроизведен впервые в специальном выпуске «Крымский архив. Таврическому университету посвящается». 2000. Симферополь). Внизу слева подпись: 24.II.1920, справа несколько цветков подснежника, Уверенная лепка головы, большая портретная схожесть, контраст затененной и освещенной частей лица, удачно передают состояние напряженной мысли ученого. В этом рисунке видны незаурядные способности девушки, позднее ставшей врачом-психиатром, а начинавшей учебу на медицинском факультете Таврического университета. Несомненно, что интерес к художественному привил ей отец, который всегда, где бы он ни был, стремился познакомиться с произведениями мирового искусства и оставил о них в письмах и дневниках глубокие размышления.

Так, находясь на стажировке в Мюнхене по кристаллографии и минералогии, он читает труды по капиллярности и с восхищением пишет жене, что «человеческий ум познал существование капиллярных сил под чудным небом дорогой моей Италии, и человек этот был один из самых лучших людей, величайших гениев – ученый, художник и общественный деятель – Леонардо да Винчи... Тутя! Если бы больше мне сил

и знания!» [3, с. 313].

Посещая в 1889 году музеи Мюнхена и Берлина Вернадский пишет жене: «на меня лучше всего действует художественный, эстетический интерес, и как бы новое спокойствие, какое-то непонятное укрепление нахожу я в нем. Я сливаюсь тогда с чем-то более высоким и чувствую себя сильным, и мысль получает нужную ширь для правильной, менее субъективной оценки событий» [3, с. 315]. Рассматривая один из шедевров – две картины Альбрехта Дюрера «Четыре апостола», написанные им в 1526 году для Нюрнбергской ратуши и хранящиеся теперь в Мюнхенской Пинакотеке, Вернадский дает блестящее их описание в подробном письме жене, создающее иллюзию их видения и полного вхождения в понимание глубины и сложности образов, созданных гением немецкого Возрождения: «Сколько мысли в них, чувства и понимания всей силы религии» [3, с. 316]. По существу, это глубокий философский и искусствоведческий анализ знаменитого произведения великого мастера, который мог бы войти в хрестоматию по изобразительному искусству этого периода.

Вернадский передает тонкие настроения и впечатления от берлинских музеев, звучащие необычайно современно: «Музеев здесь столько, и столько интересного, так много, много роится мыслей, желаний при их посещении, и в общем выносятся какое-то меланхолическое, грустное впечатление... В сущности, ты слышишь здесь все одну и ту же песню, одну и ту же видишь мысль, одно и то же чувствуешь желание. Это мысль человека о бессмертии, это желание человека найти удовлетворение и объяснение жизни и смерти, это песнь об идеале, о чем-то лучшем и высшем, чем то, что кругом человека является...»

«Пергамские остатки (фрагменты храма Зевса в Пергаме II в. до н. э.) произвели на меня чарующее впечатление. И, когда думаешь, что еще много в земле хранится – гниет, гниет! – таких же чудных, могучих остатков красоты, мысли – становится грустно, хочется плакать от бессилия... Мне кажется, я чувствую на себе влияние этих великих Греков, этих неведомых мыслителей-художников – точно что-то меня живо, тесно связывает с чем-то бессмертным, оставшимся от того времени... В Пергаме была когда-то знаменитая библиотека. Оно и понятно – эта война гигантов с богами не могла быть создана там, где не было вообще научного, умственного движения. Если меня не обманывает память, то Пергамская библиотека составила основу Александрийской библиотеки, благодаря ей сохранились сочинения Аристотеля, - и то движение мысли, которое изошло оттуда, до сих пор подымает нас, волнует наш ум, живет, живет в нас... Здесь видно другое, здесь видна свободная, гордая мысль, мысль, гонимая Тоску, рвущаяся вперед, далеко – так далеко, как прорвались и в науке греческие философские учения! Не то ли это самое, что заставило их, на основании немногих данных, построить такие синтезы, которые не раз удивляли нас своей справедливостью? Титаны не уничтожены богами, так как не могла быть ими тронута их мать. Первоисточник остался, и победа богов должна была быть поверхностной, как поверхностна была победа богов над Прометеем. Среди созданий греческого искусства это одно из самых замечательных проявлений этого направления. Я не припомню теперь ничего другого – хотя не раз, казалось мне, подмечал я то же самое...» [3, с. 320].

В размышлениях об этом знаменитом памятнике мирового искусства мы видим Вернадского соизмеряющего и находящего параллели своему творчеству, своему направлению научной мысли. Подобные созвучия находил он и в музыке: «Вчера был в концерте в церкви – некоторые вещи на меня произвели сильное впечатление – особенно арии Баха (орган со скрипкой – в первый раз слышал) – мне казалось, что эти звуки как-то проникают в меня глубоко, глубоко, что им ритмически отвечают какие-то движения души и все мое хорошее, сильное собирается в полные гармонии движения... Я совсем начинаю увлекаться музыкой – хочется ознакомиться с ее теорией и историей» [3, с. 322].

Позднее Вернадский часто размышляет о музыке: «Мне представляется музыка глубочайшим проявлением человеческого сознания, ибо и в поэзии, и в науке, и в философии, где мы имеем дело с логическим понятием и словами, человек невольно и всегда ограничивает – а часто искажает – то, что он переживает и что он понимает. В пределе «мысль изреченная есть ложь» (Тютчев). В музыке мы имеем неизреченные мысли. Если они искажены, то другим образом. А может быть, они мало искажены? Проникновение исторического чувства в музыку – сознание, что в ней так же, как и в искусстве или философии, науке – нет прогресса в обычном понимании, что произведения старой духовной музыки, например, православной церкви, Палестрины, Баха, Бетховена, Чайковского одинаково высоки или могут быть высоки – подобно произведениям Гомера, Софокла, Данте, Шекспира, Гете, Пушкина, Толстого, должно могущественно отразиться на росте человеческой личности XX века. Очень интересно было бы проследить в реальной форме несомненное влияние музыки на научную мысль. Через возбуждение настроения? Чувство гармонии и история этого понятия в философии и в науке? Смягчение нравов? Проникновение в музыкальное творчество и через эстетику?» [2, с. 194].

Те вопросы, которые ставит Вернадский, если и не находили своего разрешения в широкой научной среде 20-х годов XX века, то в художественной среде находили несомненно. Например, в творчестве такого известного крымского художника этого времени, как К.Ф. Богаевский, классическая музыка занимала очень важное место.

Проникновение Вернадского в природу художественного творчества настолько сильно и глубоко, что вызывает изумление. Возникает вопрос о том, кто из настоящих, живых художников был с ним знаком, с кем он общался из этой среды? В крымский период его жизни две наиболее сильные личности из художников творили в Крыму – это Волошин и Богаевский, оба широкого культурного кругозора, художники-мыслители, боготворящие природу. Как раз в это время Богаевский создавал свой «Альбом автолинографий» 1923 года издания, в котором философски отразил историю крымской природы. Если бы они были знакомы, то их беседам не было бы конца, но, к сожалению, на это ничто не указывает. Просто они жили в одном времени, дышали одним воздухом, вдохновлялись одной общей землей – крымской и

одной общей идеей – «всюдность» жизни, гармонией природы и человека, взаимосвязанностью и взаимозависимостью всего живого – у них было общее мировоззрение.

В 1902 году Вернадский задумал прочитать в Московском университете курс лекций по истории научного мировоззрения. С этой целью он работал в библиотеках Берлина, Копенгагена и Амстердама, где находились, по его мнению, лучшие собрания книг по истории науки XV-XVI веков. Оттуда он пишет жене: «Передо мной стоят ясные картины, выясняются общие рамки работы. Первые главы – мысленно – очень обдуманно. Я представляю средние века – как непрерывную эпоху брожения человеческой мысли – созданные ранее, прочные и мощные формы постоянно подавляли неуклонно и интенсивно идущее стремление человеческой мысли в неизведанное. В этих формах по их характеру – живое исследование и изучение природы – проявление отдельных личностей – могло найти только два пути – сперва в ремесле и технике, где ему оказался простор в цеховых рамках, а затем – в искусстве.

И здесь традиция и формы работы почти не позволяют видеть проявления свободной и мыслящей человеческой личности, которая в действительности все создала» [3, с. 324].

Сфера его интересов в связи с этой работой была огромной, практически неисчерпаемой: «...Посылаю поразительный гимн Ригведы в метрическом переводе... это произведение неизвестного поэта (и крупнейшего мыслителя?), жившего минимум за 1000 лет до Христа, за много лет раньше Будды, Сократа и всей греческой философии и науки. А как он современен, как глубоко заставляет он даже теперь биться мысль.

Я вижу в нем первый скачок в бесконечное, так как таким великим сомнением отрицается творец всякого рода (богов – обычных – он поставил уже сам после создания мира), и корень бытия переносится в находящееся вне мира (Nichtsein) – в нарождающееся и исчезающее, неуловимое и необъяснимое – влечение сердца, в чувство любви» [3, с. 325].

В этих письмах 1902 года уже чувствуется зарождение главной идеи Вернадского, которую он так ясно и кратко выразит в 1943 году в телеграмме на имя В.И. Сталина по поводу присуждения ему Сталинской премии I степени: «Прошу из полученной мной премии Вашего имени направить 100000 рублей на нужды обороны, куда Вы найдете нужным. Наше дело правое, и сейчас стихийно совпадает с наступлением ноосферы – нового состояния области жизни, ноосферы – основы исторического процесса, когда ум человека становится огромной геологической планетной силой. Академик В. Вернадский» [3, с. 327].

Характерно, что из второй части премии он щедро помогал всем нуждающимся, делая это иногда в завуалированной форме, например, покупая коллекции минералов для Академии наук.

После смерти жены Наталии Егоровны, с которой он прожил, по его выражению, «душа в душу и мысль в мысль» более 55 лет, Вернадский продолжал работу, в том числе и начатую совместную работу, названную ими «Пережитое и передуманное», но смог пережить ее только на два года. В эти годы он писал своей племяннице, дочери В.Г. Короленко: «Станным образом я в последнее время очень вдумываюсь в этику и в своей научной работе углубляюсь в представления о религии. Думаю, что мы переживаем сейчас взрыв научного творчества, подходим к ноосфере, к новому состоянию планетной оболочки биосферы, к кризису философскому и религиозному» [3, с. 329].

Как-то, читая французского моралиста Люка Клапье Вовенгарда, он сделал такую выписку: «Самые высокие мысли подсказывает нам сердце» [2, с. 185].

Он не очень-то верил в прогресс и писал: «Прогресс в искусстве, науке, музыке, литературе кажущийся. Великие произведения мысли и искусства Греции не выше современных. Аристотель, Данте не ниже современных ученых или мыслителей – Толстого или Кельвина. Тут никакого прогресса нет. Но не заметен ли он за долгие периоды времени – за десятки тысяч лет – человеческого палеолита, даже при их талантах, ниже?» [2, с. 192-193].

Мысли Вернадского о страхе оставляют нам надежду рано или поздно от него избавиться: «Я думаю, - писал он, - что многие величайшие люди страха смерти не чувствовали никогда, и мне представляется это более нормальным состоянием – отнюдь не животным. «Страх» будет являться лишь для людей, у которых нет чувства единства всего, чувства космоса, или для людей, у которых нет глубокой религиозной веры или частых и сильных сомнений» [2, с. 194].

Такие же глубокие размышления оставляет нам Вернадский о счастье: «...счастье не может быть целью жизни и в выражении «величайшее счастье есть личность» заключается отрицание гедонизма, ибо личность может и должна не быть удовлетворенной.

Не только «мысль изреченная есть ложь» - но и бессознательное стремление удовлетворенное есть ложь.

Это ярко чувствуется при достижении человеком желаемого. Ярко в жизни любви».

«Мне кажется, есть разные природы. Счастье не испытывают и не ищут многие в своей жизни. И для меня это есть указание на то, что не оптимизм и не пессимизм должны быть основами мировоззрения. По крайней мере не для всех» [2, с. 203-204].

Совершенно потрясает и примиряет с многим в жизни такая утешительная мысль Вернадского: «В течение бесконечной смены поколений каждый индивид проходит через все возможные формы проявления живого. И взятый в целом представляет все» [2, с. 205].

В записях крымского периода, на последних его страницах есть построчный перевод Вернадским стихотворения французского поэта Сюлли Прюдоме «La Forme», оно понравилось Вернадскому и вспомнилось ему по поводу упоминания во вступительной речи к студентам о значении средневековья, «создавшего такую живую до сих пор форму жизни, какой является университет»: «Вспомнил поразительное по глубине стихотворение... Потуги глубокой мысли. И, возможно, построение целого

миропонимания»:

...И содержание остается неизменным,
Пусть Вселенная волнуется или дремлет,
Ничто не портит его огромную массу;
То, что гибнет – цветок ли под солнцем –
Это лишь его изменчивая форма.

Но ведь форма – это весна!
Одна она гибка и красива,
Одна она нова,
В двадцатилетних формах
Лежит вечная материя!
О вы, которыми обнимаются влюбленные пары,
Гладкие руки, сочные губы,
Божественные тленные формы,
Соблазнительные и мучительные...

Зачем же с Вами прощаться?
Одна кровь течет в других артериях,
У дочери те же глаза матери
И у сыновей те же черты дедов,
Нет, вы не преходящи!
Ваши образцы лежат где-то,
О формы, временем пожираемые,
Вы еще ярче блестите
В глубоком раю искусства,
Там, где мыслит обожающий вас Платон... [2, с. 207].

Именно здесь, в крымском раю, Вернадский вновь вспоминает, находит и записывает Погодина: «Один думает в тишине своего кабинета над книгой, другому мысль мелькнет в церкви среди молитвы, третий встретится с нею в дружеском разговоре. Кажется – эти мысли остаются без всякого следствия и, одинокие, погребенные в душах, забываются, погибают. Нет, они сообщаются между собой через тайные каналы по воздуху, складываются вместе на невидимых счетах природы, и итог их обнаруживается иногда через девяносто девять лет в сотое» [2, с. 220].

Мысль для меня близкая и дорогая с молодости. Мне казалось – я ставил себе вопрос – на необитаемом острове – один – стал бы я мыслить и изучать? И мне всегда казалось – и кажется – что моя одинокая, никому не сообщаемая мысль как факт и явление природы не исчезнет и не проходит бесследно для единого.

Как эта мысль проявляется через столетия человеческих переживаний? [2, с. 221].

В XXI столетие адресованы эти вопросы великого мыслителя, вся жизнь которого подвиг и пример для настоящих и будущих поколений исследователей природы и общества.

Дневниковые «крымские» записи Вернадского обрываются 1923 годом в Париже такой выпиской из Штабриана: «Бытие наше столь мимолетно, что если мы не описываем вечером событие, происшедшее утром, труды поглощают нас и не оставляют нам времени его запечатлеть. Это не мешает нам растрчивать наши годы, бросать на ветер часы, которые для человечества суть не что иное, как семена вечности» [2, с. 222].

Тема о художественных и этических гранях творческой личности В.И. Вернадского, кратко затронутая в этой статье, столь обширна и актуальна, что может стать отдельным серьезным исследованием, так как все, на мой взгляд, что направлено на развитие и воспитание мыслящей личности, – в конечном итоге направлено на грядущее спасение человечества.

Литература

1. Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. Межгосударственная конференция. Крым. 23-25 мая 2001. - М., Издат. Дом «Ноосфера». Биосфера. Мысли и наброски. Сб. научных трудов В.И. Вернадского. - М., 2001, Издат. Дом «Ноосфера».
2. Что с нами происходит? Заметки современников. Вып.1. - М., Современник, 1989.
3. Максимилиан Волошин – художник. - М., Сов. Художник, 1976,
4. Альберт Швейцер – великий гуманист XX века. Воспоминания и статьи. - М., Наука, 1970.
5. Вернадский и Таврический университет. Документы. Крымский архив. Таврическому университету посвящается. Крымский центр гуманитарных исследований. 2000. - Симферополь. - С. 182-217.
6. Леонова Л.С. Исторические портреты. Владимир Иванович Вернадский // Вопросы истории. №4. - 2002. - С. 44-69.